

«Святой Антоний» / новелла

Category: Kitarcsy

написано kitarcsy | 23 января, 2025

"Святой Антоний" / новелла «СВЯТОЙ АНТОНИЙ»

Кс. Шарму.

Его прозвали «Святым Антонием» потому, что его имя было Антоний, а может быть, также и за то, что он был затейник, весельчак, шутник, любитель поесть и здорово выпить и большой охотник задира́ть юбки служанкам, несмотря на свои шестьдесят с лишним лет.

Это был высокий крестьянин, уроженец Ко, загорелый, с жирной грудью и толстым животом; длинные ноги Антония казались чересчур худыми для его полного тела.

Он был вдов и жил один со служанкой и двумя работниками на ферме, которой управлял, как старый плут, радевший о своих выгодах, опытный в делах, в разведении скота и в обработке земли. Оба его сына и три дочери, удачно женившиеся и вышедшие замуж, жили в окрестностях и раз в месяц приезжали к отцу обедать. Во всей округе он славился силой; сложилась своего рода поговорка: «Силен, как святой Антоний».

Перед вторжением пруссаков Святой Антоний, сидя в кабаке, грозился проглотить целую армию, потому что он был хвастуном, как истинный нормандец, который всегда немножко трус и бахвал. Он колотил кулаком по деревянному столу – тот при этом подскакивал, и на нем прыгали чашки и рюмки – и в припадке притворного гнева кричал, побагровев и с лукавым взглядом: «Черт побери, придется-таки мне их отведать!» Он рассчитывал, что пруссаки не дойдут до Танвиля, но когда узнал, что они уже в Рото, перестал выходить из дома и беспрестанно поглядывал на дорогу в кухонное окошечко, каждую минуту ожидая увидеть штыки.

Как-то утром, когда он завтракал со своими работниками, дверь отворилась и появился деревенский мэр, кум Шико, в сопровождении солдата в черной каске с медным острием. Святой

Антоний вскочил с места. Все смотрели на него, ожидая, что он вот-вот растерзает пруссака, но он ограничился тем, что пожал руку мэру, который сказал ему:

– Вот один и на твою долю, Святой Антоний. Они пришли сегодня в ночь. Не делай никаких глупостей: они грозятся расстрелять всех и сжечь всю деревню, если хоть что-нибудь случится. Предупреждаю тебя. Накорми его, по виду он славный малый. Прощай, иду к другим. Их хватит на всех.

И он вышел.

Дядя Антоний побледнев, взглянул на пруссака. Это был толстый парень, голубоглазый и светловолосый, заросший бородой до самых скул; он казался глуповатым, робким и добрым. Хитрый нормандец тотчас же раскусил его и, успокоившись, подал ему знак сесть. Затем спросил: «Не хотите ли супу?» Чужеземец не понял. Тогда Антоний расхрабрился и, поднеся к его носу полную тарелку, сказал:

– Ну, жри, толстая свинья.

Солдат сказал «ја» [1] и принялся жадно есть, а торжествующий фермер, чувствуя, что его репутация восстановлена, подмигнул работникам, которые делали страшные гримасы, испытывая в одно и то же время немалый страх и желание покатиться со смеху.

Когда пруссак проглотил все, что было в тарелке, Святой Антоний подал ему вторую; он очистил и ее, но отступил перед третьей, которую фермер заставлял его съесть насильно, повторяя:

– Ну-ка, пихни и это в свое брюхо. То-то разжиреешь, свинья моя!

А солдат, понимая лишь, что его хотят накормить до отвала, смеялся довольным смехом, показывая жестом, что он сыт по горло.

Тогда Святой Антоний, настроившись совсем на приятельский лад, похлопал его по животу и воскликнул:

– Туго набито брюхо у моей свиньи!

Но вдруг он скорчился, побагровев, словно вот-вот его должен был хватить удар и не имея сил произнести больше ни слова. Мысль, пришедшая ему в голову, заставляла его задыхаться от смеха:

– Так, так, Святой Антоний и его свинья. Вот она, моя свинья.

Служанка и работники тоже расхохотались.

Старик был так доволен, что велел принести самой лучшей водки – старой настойки – и угостил ею всех. Все чокались с пруссаком, который льстиво щелкал языком, желая этим сказать, что находит водку превосходной. А Святой Антоний кричал ему в самое лицо:

– Ага? Вот это водка! Такой ты не выпьешь у себя, свинья моя. С тех пор дядя Антоний никуда не ходит без пруссака. Это сделалось его главным занятием и его мезьей, мезьей хитрого толстяка. Вся деревня, боявшаяся пруссаков до смерти, смеялась до упаду за спиной победителей над проделками Святого Антония. Уж в шутке, право, никто не мог с ним сравняться. Только он один умел такое придумать. Ах, старый плут!

Каждый день после полудня он отпраплялся к соседям под руку со своим немцем, которого он весело представлял, хлопая его по плечу:

– Вот вам моя свинья! Посмотрите-ка, до чего разжирела эта скотина.

И лица у крестьян расплывались:

– Уж и забавник же этот мерзавец Антоний!

– Могу продать его тебе, Сезэр, за три пистоли.

– По рукам, Антоний, и приглашаю тебя есть колбасу.

– Ну, а я бы взял только его ножки.

– Да ты живот-то пощупай и увидишь: одно сало.

И все перемигивались и посмеивались, но исподтишка, боясь, как бы пруссак в конце концов не догадался, что над ним потешаются. Один Антоний становился с каждым днем все смелее, щипал его за ляжки и кричал: «Одно сало!» – хлопал по заду и ревел: «Сплошь свиная кожа», – поднимал его своими руками, руками старого великана, способного носить наковальню, и заявлял:

– Шестьсот кило веса и никакой усушки!

Он усвоил привычку заставлять хозяев угощать его свинью всюду, куда бы он с ней ни являлся. Это было громадным удовольствием и ежедневным развлечением:

– Давайте ему, что хотите, он все слопает.

И немцу давали хлеб с маслом, картофель, холодную говядину;

давали также колбасу, приговаривая:

– Ваша собственная, и притом лучший сорт.

Глупый и кроткий солдат ел из вежливости, восхищенный этим вниманием, ел до боли, чтобы только не отказывать; и он действительно так разжирел, что ему становилось тесно в мундире; это приводило в восторг Святого Антония, и он твердил:

– Знаешь, свинья, придется для тебя сделать хлев попросторней. Они стали, впрочем, лучшими друзьями в мире; и когда старик отправлялся в окрестности по своим делам, пруссак добровольно сопровождал его ради удовольствия быть вместе с ним.

Погода стояла суровая; сильно морозило; казалось, жестокая зима 1870 года насылала на Францию все бедствия.

Дядя Антоний, любивший делать запасы впрок и пользоваться разными удобными случаями, предвидел на этот раз, что для весенних работ у него не хватит навоза, и поэтому купил его у соседа, находившегося в нужде; было условлено, что каждый вечер он будет приезжать со своей телегой и забирать навоз.

И вот с наступлением вечера он ежедневно отправлялся на ферму Оль, находившуюся в полулье от его дома, и всегда в сопровождении своей свиньи. И каждый раз происходило празднество кормления животного. Вся деревня сбегать туда, как по воскресеньям сходятся к мессе.

Солдат между тем начинал не доверять окружающим, и когда смеялись чересчур громко, он беспокойно вращал глазами, в которых порою вспыхивали искры гнева.

Однажды вечером, съев сколько мог, он не захотел проглотить больше ни одного куска и попробовал встать, чтобы уйти. Но Святой Антоний остановил его и, положив ему на плечи свои мощные руки, заставил его сесть с такой силой, что под солдатом сломался стул.

Разразилась буря смеха, а сияющий Антоний, поднимая с пола свою свинью, делал вид, что перевязывает ей раны, чтобы из исцелить; затем он заявил:

– Если ты не хочешь больше есть, то будешь пить, черт побери!

Послали в кабак за водкой.

Солдат сердито выкатывал глаза, но, тем не менее, пил; он пил

сколько требовали, а Святой Антоний не отставал от него, к великому удовольствию всех присутствующих.

Нормандец, красный, как помидор, с горящими глазами, наливал стаканы, чокался и ревел: «За твое здоровье!» А немец, не говоря ни слова, залпом вливал в себя раз за разом коньяк.

Это была борьба, битва, реванш! Кто кого перепьет, черт возьми? Когда литр был осушен, ни один не был уже в состоянии пить больше. Но никто из них не был и побежден. Они шли нога в ногу, вот и все. Придется начинать сначала в следующий раз.

Они вышли, пошатываясь, и отправились в путь, идя рядом с телегой навоза, которую медленно тащила пара лошадей.

Падал снег, и безлунной ночью печально белела мертвая равнина. Холод пробирал их, и это лишь усиливало их опьянение; Святой Антоний, недовольный тем, что не одержал победы, забавлялся, толкая свою свинью плечом, чтобы свалить пруссака в канаву. Солдат, отступая, избегал толчков и всякий раз раздраженным тоном произносил несколько слов по-немецки, заставлявших крестьянина покатываться со смеху. Наконец пруссак рассердился и в ту минуту, когда Антоний собирался угостить его новым пинком, ответил ему страшным ударом кулака, от которого великан зашатался.

Тогда Антоний, возбужденный водкой, схватил солдата в охапку, потрянул его несколько раз, как ребенка, и швырнул изо всех сил на другую сторону дороги. Потом, довольный этим наказанием, скрестил руки и захохотал снова.

Но солдат быстро встал, с обнаженной головой – его каска скатилась на дорогу, – и, выхватив саблю, бросился на дядю Антония.

Увидев это, крестьянин перехватил посередине свой кнут, длинный кленовый кнут, прямой, крепкий и гибкий, как воловья жила.

Пруссак подошел, нагнув голову, вытянув саблю, готовый на убийство. Но старик схватил лезвие сабли, острый конец которого должен был распороть ему живот, отвел его в сторону и рукояткой кнута с размаху ударил в висок врага; тот повалился у его ног.

В испуге, отупев от изумления, взглянул он на тело сначала

судорожно вздрагивавшее, а затем неподвижно вытянувшееся на животе. Он нагнулся, перевернул его и пристально осматривал несколько минут. Пруссак лежал с закрытыми глазами; струйка крови сочилась из небольшой ранки в углу лба. Несмотря на то, что была ночь, дядя Антоний различил темное пятно крови на снегу.

Он застыл на месте, в полной растерянности, а медленно шагавшие лошади увозили телегу все дальше и дальше.

Что делать? Его расстреляют! Ферму сожгут, разорят всю округу! Что делать? Что делать? Куда спрятать тело, как скрыть убийство, обмануть пруссаков? Среди глубокого безмолвия снегов он услышал вдали чьи-то голоса. Обезумев, он поднял каску, надел ее на свою жертву и, схватив пруссака поперек тела, поднял его, побежал, догнал телегу и бросил тело в навоз. Приехав домой, он что-нибудь придумает.

Крестьянин шел медленно, ломая себе голову, и не находил никакого выхода. Он уже видел, уже чувствовал себя погибшим. Он въехал к себе во двор. В слуховом окне блестел свет, – служанка еще не спала; он быстро подвинул телегу к краю навозной ямы. Сообразив, что тело, лежавшее наверху, прежде всего свалится в яму, он опрокинул воз.

Как он и предвидел, тело оказалось похороненным под навозом. Антоний сровнял кучу вилами, затем тут же воткнул их в землю. Он позвал конюха, приказал поставить лошадей в конюшню и пошел в свою комнату.

Он лег, не переставая думать о том, что ему теперь делать, но ни одна мысль не приходила в голову, и его ужас рос в безмолвии ночи. Его расстреляют! Он вспотел от страха, зубы его стучали; он приподнялся, дрожа, как в лихорадке, не имея сил оставаться дольше в постели.

Он спустился в кухню, достал из буфета бутылку водки и снова поднялся к себе. Выпив залпом два стакана, он подбавил к старому опьянению новое, но не успокоил своей душевной тревоги! И здорово же он его свистнул, черт побери!

Он ходил взад и вперед, придумывая разные хитрости, объяснения, увертки, и то и дело прополаскивал себе горло рюмочкой водки, чтобы подбодриться.

Но ничего не мог придумать, ровнехонько ничего.

В полночь его цепной пес, волкодав, прозванный Истребителем, принялся выть, как собаки воют по покойнику. Дядя Антоний почувствовал озноб до мозга костей, и всякий раз, когда собака возобновляла свой зловещий заунывный вой, мороз пробегал у старика по коже.

Он упал на стул, не имея сил двигаться, разбитый, ошалевший, ожидая в тоске, что Истребитель снова завоюет; его потрясали приступы ужаса, от которых трепещут наши нервы.

Часы внизу пробили пять. Собака не умолкала. Крестьянин начинал сходить с ума. Он встал и вышел, чтобы спустить ее с цепи и больше не слышать лая. Сойдя вниз, он отпер дверь и сделал несколько шагов в темноте ночи.

Снег все падал. Кругом было бело. Постройки фермы казались на фоне снега большими черными пятнами. Он подошел к конуре. Собака рвалась с цепи. Он спустил ее. Истребитель сделал прыжок, затем остановился, оцетинившись, упершись лапами в землю, оскалив зубы и вытянув морду по направлению к навозной яме.

Святой Антоний, дрожа с головы до ног, прошептал: «Что с тобой, поганая тварь?» – и сделал несколько шагов, впиваясь взглядом в неясный сумрак, в тусклый сумрак двора.

И вот он увидел фигуру, человеческую фигуру, сидящую на куче навоза!

Он смотрел на нее, пораженный ужасом, и еле дышал. Не вдруг, заметив возле себя рукоятку вил, воткнутой в землю, вырвал их в одном из тех приступов страха, которые делают смелым самого безнадежного труса, бросился вперед, чтобы хорошенько разглядеть, кто перед ним.

Это был он, его пруссак, вылезший из-под слоя нечистот, которые его огрели и оживили. Он кое-как сел, да так и остался под сыпавшимся на него снегом, весь в грязи и крови, еще отупелый от вина, оглушенный ударом, изнуренный потерей крови. Увидев Антония, но слишком одурев, чтобы понять что-либо, он сделал попытку подняться. Но едва старик узнал солдата, как вскипел, словно бешеный зверь, и забормотал:

– Ах, свинья, свинья! Ты еще не окошел! Ты сейчас меня выдашь...

Погоди... Погоди!

И он ринулся к нему, выбросив изо всей силы вперед вилы, поднятые, словно копье, и глубоко всадил немцу в грудь все четыре железных острия.

Солдат упал навзничь, испуская долгий предсмертный вздох, между тем как старый крестьянин, выдернув свое оружие из раны, вонзал его, как одержимый, снова и снова в живот, в бока, в шею пруссака, протыкая по всем направлениям его трепещущее тело, из которого кровь струилась ручьями.

Затем он остановился, задыхаясь от своей исступленной работы, жадно глотая воздух, успокоенный совершенным убийством.

Но петухи запели в курятниках и начинало светать, поэтому он снова принялся за дело, чтобы схоронить убитого.

Вырыв в навозе яму до самой земли, он начал рыть еще глубже, работая беспорядочно и с бешеной силой, яростно двигая руками и всем туловищем.

Когда яма была достаточно глубока, он вилами скатил в нее труп, засыпал его землей, долго утапывал ее, сложил на прежнее место навоз и усмехнулся, видя, как густые хлопья снега довершали его работу, замечая оставшиеся следы своим белым покровом.

Затем он снова воткнул вилы в навозную кучу и вернулся в дом. Бутылка с водкой, выпитая до половины, стояла на столе. Он залпом осушил ее, бросился на постель и крепко заснул.

Проснулся он трезвый, спокойный и бодрый, способный отдать себе отчет в случившемся и предвидеть последствия.

Через час он бегал по деревне, расспрашивая повсюду о своем солдате. Он добрался до самих немецких офицеров, чтобы узнать, как он говорил, почему у него отобрали парня.

Их дружеские отношения были известны, никто не заподозрил его; он помогал даже разыскивать пруссака, утверждая, что тот каждый вечер отправлялся побегать за юбками.

Старый отставной жандарм, имевший красивую дочку и постоянный двор в соседней деревне, был арестован и расстрелян.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 3 апреля 1883 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ксавье Шарм (1849 – 1919) – один из молодых друзей Флобера, видный чиновник министерства народного образования; в период своей службы в этом министерстве Мопассан был секретарем Шарма.

Так, так святой Антоний и его свинья – намек на так называемого «святого» Антония, фиваидского отшельника, жизнь которого церковные легенды относят к III – IV векам нашей эры; постоянным спутником Антония была свинья.

[1] Да (нем.).

Ги де Мопассан. Собрание сочинений в 10 тт. Том 2. МП «Аурика», 1994

Перевод А.Н. Чеботаревской.